

1 лютага 1863 году падпольны правінцыйны камітэт на чале з Кастусём Каліноўскім абвясціў сябе Часовым правінцыйным урадам Літвы і Беларусі. Так распачалася двухгадовая барацьба беларусаў за свабоду грамадзян і незалежнасць краіны.

У 2013 годзе Беларусь адзначае 150-годдзе падзей, якія заклалі ідэйна-гістарычны падмурак новай беларускай дзяржаўнасці.

Мужыцкая праўда № 6 (13)

Першая рэвалюцыйна-дэмакратычная газета Беларусі.
Выдавалася з ліпеня 1862 па чэрвень 1863 году. Адноўлена ў лютым 2013 у гонар 150 годдзя паўстання.

У Сібір па этапам

Гэтая праца была дасланая Аляксеем Кухтай з Іркуцку на конкурс краязнаўчых артыкулаў «Рэха 1863-га». Аўтар даследуе нацыянальны складнік ссыльных паўстанцаў, аналізуе іх мемуары і сучасныя падыходы да вывучэння гэтага пытання. У далёкай і нечаканa блізкай для нас Сібіры яшчэ жыве народная памяць пра ссыльных удзельнікаў паўстання, іх лёс і свае карані. Памяць пра карані жыве, а роднае слова ўжо не - артыкул падаецца на мове аўтара і, на жаль, у скарачэнні. Цалкам чытайце на сайце Рэха Берасцейшчыны http://reha.of.by.

Вопросу о пребывании в Сибири ссыльных участников восстания 1863 года посвящена достаточно обширная литература. Много трудов было издано в последние десятилетия, немалое внимание уделялось истории сибирской ссылки и в советский период. Наиболее же ранние работы, посвящённые ссыльным повстанцам, появились в печати ещё до революции. Практически во всех таких трудах, вне зависимости от времени написания, неизменно уделяется значительное внимание вопросу о культурной и научно-исследовательской деятельности повстанцев.

Однако, несмотря на обилие работ, посвящённых ссыльным участникам восстания 1863-1864 гг. в Сибири, невозможно отыскать среди них ни одной такой, которая объективно освещала бы вопрос о национальном составе сибирского сообщества повстанцев. В соответствии с устоявшимся стереотипом, и само восстание в литературе постоянно называется «Польским», и все его участники, высланные в Сибирь, называются поляками. Соответствует ли действительности эта распространённая точка зрения? Кем по национальности были ссыльные в Сибирь повстанцы?

Поиск ответов на данные вопросы осложняется тем, что абсолютное большинство повстанцев, сосланных в Сибирь, не оставило после себя каких-либо прямых указаний на свою национальную принадлежность. До нас дошли лишь единичные примеры такого рода, и они относятся к тем немногим ссыльным, которые сумели добиться признания и известности при жизни, вследствие чего сведения об их национальности имеются в воспоминаниях современников или в их собственном письменном наследии.

Весьма многочисленны на сегодняшний день такие работы историков и публицистов, в которых речь о ссыльных повстанцах 1863-1864 гг. идёт исключительно как о поляках. Излишне отмечать, что значительная часть таких работ написана либо польскими исследователями, либо проживающими в Сибири потомками поляков. Иркутская польская культурная автономия «Огниво» при поддержке польского консульства регулярно проводит научные конференции, посвящённые изучению истории поляков в Сибири, в том числе – повстанцев 1863 г.



Жыхары Літвы пакідаюць дамы і накіроўваюцца ў глыб Расіі. Тагачасная гравюра

Едва ли не единственным примером исследования, более или менее объективно затрагивающего проблему национального состава повстанцев, является статья С. Мулиной «Образ поляка в Сибири», где автор признаёт, что среди сибирских ссыльных были не только поляки, и что «…внутри ссылки фактор происхождения давал себя знать в различных проявлениях региональной идентичности». С. Мулина поясняет, что ***«…уроженцы Западных губерний в глазах сибиряков сливались с прибывшими из Королевства Польского и идентифицировались как поляки»***, а ***«…в отношениях с принимающим обществом на первый план выходила польскость, подкрепляемая статусом ссыльного, «краёвый литвин уступал место поляку»***.

Однако при этом автор не избегает обильного употребления эпитетов, рисующих картинку исключительно «польской» ссылки в Сибирь после подавления восстания. Хотя восстание 1863 года охватило не только польские земли, но и территории современных Беларуси, Литвы, Украины. Помимо титульных наций, здесь проживало большое количество евреев, немцев, татар, латышей, многие из которых присоединились к повстанцам. При этом большей частью репрессированные повстанцы даже не были уроженцами польских земель:

«По официальным данным, в Литве и Беларуси было казнено 128, выслано на каторгу — 853, в Сибирь на поселение — 504, с лишением всех прав — 825 человек. 320 участников восстания отправили рядовыми в армию, 767 — в арестантские роты. Всего из края было выселено 12483 человека» — при том, что общее число ссыльных, по разным оценкам, варьируется от 18 до 22 тыс. чел.

По оценке С.М. Токтя, высланные из Северо-Западного края составляли 57% от общего числа репрессированных, 5% было выслано из Юго-Западного края, и лишь 38% от общего числа — непосредственно из Царства Польского. Причём нельзя забывать, что в эти 38% входили также представители уже перечисленных выше евреев, татар и пр. В качестве одной из возможных причин возникновения данного стереотипа можно рассматривать то обстоятельство, что во времена, относящиеся к восстанию, как видно из мемуаров самих повстанцев, термин «Польша» не употреблялся исключительно в отношении польских этнических территорий. Для обозначения именно польских земель мемуаристы употребляют термины «Корона» (Korona), «Королевство» (Królestwo), «Конгрессовка» (Kongresówka), а жителей их называют «короняжами» (Koroniarzy) и «конгрессовяками» (Kongresowiaki). К этническим белорусским землям применяются обозначения «Литва» (Litwa) и «Беларусь» (Białoruś), а к их населению, соответственно, «литвины» (Litwini) и «белорусины» (Białorusini). К землям современной Литвы применяются названия «Жмудь» (Żmudz) и – «Литва», однако население их повсеместно называется «жмудинами» (żmudzini), употребление термина «литвины» применительно к этническим литовцам нам не встречалось. К землям Западной Украины постоянно применяется название «Русь» (Ruś), а к их населению – «Русины» (Rusini) и, реже, «Малорусины» (Małorusini). Термин «Украина» (Ukraina) употребляется как обозначение лишь части современных украинских территорий, и стоит в одном ряду с выделяемыми отдельно Подольской и Волынской губерниями.

Таким образом, можно констатировать, что сами ссыльные повстанцы, употребляя названные выше многочисленные термины, прекрасно различали между собой отдельные земли, бывшие в составе Речи Посполитой и понимали, что все эти земли заселены разными народами. Однако, вместе с тем, нередко мемуаристы называли представителей всех этих народов общим словом – «поляки», «соплеменники», а название «Польша» употребляли для обозначения всех территорий Речи Посполитой. Это обстоятельство объясняет, почему до сих пор даже многие историки считают восстание «польским», вкладывая в это слово совсем не то значение, что оно носило полтора столетия назад.

Исчерпывающими доказательствами неоднородности национального состава сибирского повстанческого сообщества являются свидетельства самих ссыльных. Такие свидетельства в довольно значительном числе встречаются в воспоминаниях и письмах, написанных во время пребывания в ссылке и по возвращении из неё.

В высшей степени обстоятельное описание национального состава ссыльных и отношений между ними составил уроженец Слуцкого уезда Минской губернии граф Эдвард Чапский, бывший на каторге в Забайкалье.

«В Сиваковой, среди общества из 700 узников из всех частей Польши, поражало сосредоточение жителей различных провинций, их отличия между собой в речи, одежде, даже в образе жизни и понятиях, и, наконец, враждебные друг к другу отношения между их кружками. Русины, то есть узники из Киевской, Волынской и Подольской губерний, пели хором свои малорусские песни; (…) отличались бараньими шапками и широкими штанами, сторонились более от конгрессовяков, чем от литвинов; представителей Великого княжества Познаньского мы называли немцами, и почти так же мало понимали их речь, как и жмудинов, которых называли жемайтисами. Эти менее всех общались с остальными, разговаривали между собой по-жмудски, многие из них или плохо, или вообще не говорили по-польски. Узники из Королевства, называемые конгрессовяками, имели своё отдельное содружество, выступали как руководители народа, люди высших нравов, чистой речи и культуры, и позволяли себе упрёки и пренебрежение ко всем остальным соплеменникам.Литвины и жмудины симпатизировали друг другу, не испытывали неприязни к русинам и вставали рядом с ними, когда нужно было дать отпор претензиям поляков с Конгрессовки. (…) Литвины, верные своему племенному характеру, не выделялись ни живописным платьем, (…) ни собственными песнями. (…) Мало было точек соприкосновения между литвинами и немногочисленными представителями Великопольши; то же самое следует сказать и об отношении этих последних к русинам. Галициане, хотя их было немало, вели себя скромнее всех, и жили рассеянными среди иных народов.»

Аналогичным образом описывает ссыльных и Вандалин Черник, уроженец Новогрудского уезда Минской губернии, в своей книге воспоминаний «Дневники ветерана 1864 г.»: ***«Польские изгнанники, вероятно по причине разницы темпераментов и нравов, разделились на три группы: к первой принадлежали изгнанники из Королевства, и их называли короняжами; к другой – изгнанники из западных губерний, литвины; наконец, к третьей – изгнанники из южных губерний, русины, которые впоследствии слились с***

19 стагоддзе было эпохай самавызначэння народаў, адыходу ад саслоўнага грамадства і фармавання нацыянальных дзяржаваў. Менавіта тады на мапе Еўропы з'явіліся назвы большасці сучасных краінаў. Беларусы ў той час не мелі ўласнай дзяржавы. Сама назва Беларусь толькі пачала ўжывацца ў дачыненні да гэтых зямель, адрозніваючы нас ад іншых народаў былога ВКЛ - украінцаў, жамойтаў (летувісаў).

Рэвалюцыя пад кіраўніцтвам Каліноўскага - гэта першая спроба змагання за незалежнасць ужо беларусаў, як цэласнай і аднароднай нацыі. У адрозненні ад ранейшых саслоўных паўстанняў (шляхецкіх 1794 і 1830-х гадоў за аднаўленне Вялікай Літвы і Рэчы Паспалітай, альбо сялянскіх бунтаў) - у рэвалюцыі 1863-64 г. на адным баку стаялі і шляхцічы, і мяшчане, і прыгонныя.

Кастусю Каліноўскаму ўдалося спарадзіць агульнае бачанне новай беларускай дзяржавы, незалежнай, і з роўнымі па статусу, вольнымі грамадзянамі. На стагоддзі гэты ідэал стаў марай і мэтай для новых і новых пакаленняў беларускіх патрыётаў.

Расейскія імперскія ўлады ў першай палове 19 ст. актыўна навязвалі найменне беларус у дачыненні да праваслаўнага (пераведзенага з уніяцтва) сялянскага насельніцтва краю. Яны разлічвалі стварыць «беларускую» альтэрнатыву «ліцвінскаму» самаўспрыманню народу колішняга ВКЛ. Паўстанне Каліноўскага стала сапраўдным шокам для ідэолагаў імперыі. Выявілася, што і самавызначаючыся як Беларусы, народ гэтай краіны ўсё адно ўпарта імкнецца да незалежнасці і вызвалення ад «брацкіх абдымкаў».

Пасля задушэння паўстання назва Беларусь была забаронена, ўжыванне мовы мясцовага насельніцтва жорстка праследавалася. Вялося актыўнае перасяленне расейскага сялянства на абсягі ўжо «Паўночна-заходняга краю». Аднак імкненне народу да волі і незалежнасці нікуды не знікла. Яно захавалася ў генах «тутэйшых» да больш зручнага гістарычнага моманту. Менавіта яно заўжды падказвала беларусам, дзе - няхай і забароненае - сваё, а дзе - няхай і навязваемае - чужое.

Польскія рэвалюцыйныя колы, абвесціўшы сябе Польскім нацыянальным урадам у 1863 годзе, разлічвалі адрадзіць Рэч Паспалітую як польскую дзяржаву. У рэвалюцыйнае кіраўніцтва ўваходзілі ў асноўным прадстаўнікі буйных феадальных сем'яў. У паўстанні яны разлічвалі больш на палітычны ціск і дыпламатычную дапамогу іншых краінаў. Сялянскае пытанне ж наогул не разглядалася Варшаўскім камітэтам.

Аднак на Беларусі мэты і шляхі інсургентаў былі іншымі. Кастусь Каліноўскі, які ўзначальваў Літоўскі правінцыйны камітэт, быў заўзятым прыхільнікам фракцыі чырвоных (рэвалюцыянер-дэмакратаў). Яны, у адрозненні ад белых (манархістаў-кансерватараў), адстойвалі персанальныя грамадзянскія свабоды і выступалі за нацыянальнае самавызначэнне народаў былой Рэчы Паспалітай.

Прынцыпы Каліноўскага не падабаліся варшаўскаму кіраўніцтву паўстання, і 27 лютага 1863-га яны дамагліся парадачы кіравання паўстаннем віленскаму камітэту «белых». Аднак пасля капітуляцыі большасці буйных феадалаў у выніку царскіх рэпрэсій, праз 4 месяцы Каліноўскі быў вернуты ў склад Віленскага камітэта, а 31 ліпеня 1863 ізноў узначаліў яго.

У Кастуся Каліноўскага не было жадання здавацца і адступаць. На сваёй зямлі і за сваю зямлю ён змагаўся да апошняга. Ён не пакінуў адданых яму людзей нават калі сілы касінераў пачалі таяць і паўстанне мусіла перайсці да партызанскай барацьбы. Ад мары пра вольную Беларусь ён не адступіўся і перад смерцю - ў ноч перад павешаннем Кастусь Каліноўскі пісаў ліст да свайго народу, дзе заклікаў не спыняць змаганне за волю Радзімы.

литвинами, потому что в характерах и взглядах они были между собой похожи. Эти группы резко выступали везде: и в партиях, и на поселении, и даже на каторге.»

Генрих Новаковский, уроженец Минской губернии, находясь в Тобольске, в переписке противопоставлял своих земляков-минчан остальной массе ссыльных повстанцев: ***«Не знаю, как в Томске, но у нас минчуки именуются «минским народом»***, – пишет Новаковский, подчеркивая, что скучает по землякам и своих любит более, ***«да и нужно же знать народец!»***

Полячка Ядвига Прендовская, сосланная в Кунгур, в книге своих воспоминаний зафиксировала, что литвины не позволили короняжам вместе с ними праздновать Пасху, поскольку должны были отмечать её по старому стилю.

В некрологе, посвящённом кончине Николая Витковского, опубликованном в газете «Восточное обозрение» мы встречаем такую фразу: ***«Что же касается до сибирского общества, то оно доказало ещё раз, что сохранит надолго благодарную память о тех немногих представителях польского и западно-русского элементов в своей среде, которые, как покойные И.Д. Черский и Н.И. Витковский, боролись в Сибири не за свои личные материальные выгоды»***. Мы видим, что автор различает и ставит в один ряд отдельно поляков и отдельно «западно-руссов», то есть уроженцев Северо-Западного и Юго-Западного краёв империи – белорусов, украинцев, литовцев.


Ссыльныя Бенедыкт Дыбоўскі з дачкой і Ўладзіслаў Дыбоўскі

Отдельное внимание необходимо уделить вопросу о смысловой нагрузке слова «литвин». Является ли оно исключительно обозначением территориальной принадлежности к землям Великого княжества Литовского или обозначает национальную принадлежность к белорусскому этносу?

Мы имеем множество свидетельств употребления слова «литвины» именно в последнем значении, в качестве синонима к более позднему этнониму «белорусы», причём свидетельств этнографического характера, зафиксированных специалистами в данном вопросе.

Так, Н. Янчук в своей книге «По Минской губернии. (Заметки из поездки в 1886 году)» следующим образом обрисовывает ситуацию: ***«Другое затруднение происходит оттого, что на местном языке, а тем более на польском, нередко смешиваются в названии Белоруссия и Литва, белорусский язык и литовский, т. е. по старинной памяти о тех временах, когда Белоруссия и Литва составляли одно целое, всё белорусское называется литовским. Спросите вы, например, какую-нибудь мещанку, кто она такая? – Polka, ответит она вам. – Откуда родом? – Z Litwy. – Как говорят дома? – Po litewsku. Между тем, по наведении более точных справок оказывается, что ни сама она, ни её родные ни слова не понимают по-литовски, а исключительно говорят по-белорусски. Так и за Бугом, напр. в Седлецкой губ., белорусса иначе не назовут, как литвином.»***

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. Даля встречаются такие статьи, затрагивающие особенности звучания белорусского языка: ***«ДЗЕКАТЬ, произносить дз вместо д, как белорусы и мазуры… Как не закаивайся литвин, а дзекнет. Только мертвый литвин не дзекнет.»***

Я. Станкевич приводит пример употребления этнонима уже в 1924 году на территории Гомельщины:

«— Кто вы такие? К какой нации принадлежите?— Хто мы? Мы руськия.— Какие русские? Великоруссы, что ли?— Да не, якия мы там великарусы? Не, мы ня москали.— Да кто же наконец? — Мы – литва, литвины.»

Н.И. Костомарову принадлежат следующие слова: ***«Литва — это прозвище стало достоянием белорусского края и белорусской народности»***.

П.В. Терешкович, приводя множество вариантов этнонимов, применявшихся в отношении белорусского народа в 1850-1860-х гг., выделяет следующие тенденции: ***«Приходские списки» зафиксировали несколько этнонимов, употреблявшихся или предписываемых в это время белорусам. При этом собственно этноним «белорусы» в наибольшей степени был распространен в Витебском, Дисненском, Лепельском и Полоцком уездах Витебской и в Могилевской губерниях. Более того, никаких других этнонимов этим источником здесь не зафиксировано. При этом в Дисненском и Лепельском уездах белорусами названы и православные, и католики. В противоположность этому на западе отмечался чрезвычайный разнобой в определении белорусов. Преобладающим был этноним «литвины». Наиболее распространенным это самоназвание было среди коренного населения (как православного, так и католического) Гродненского, Волковысского, Слонимского и частично Слуцкого уездов»***.

Другой аналогичный пример имеет непосредственное отношение к восстанию 1863 года. Участник восстания Бенедикт Дыбовский, начиная в своих мемуарах рассказ о разнообразии национального состава сообщества ссыльных, также поясняет нестандартное использование термина «литвины»: ***«Мы называли литвинами в территориальном значении, всех жителей Литвы, а значит Поляков, родившихся в Литве, Белорусинов, Татар, Белолехитов»***.

Во всех же остальных бесчисленных случаях слово «литвины» употребляется, как видно из контекста, именно в значении этнонима, и нередко стоит в одном ряду с другими этнонимами – русины, поляки, жмудины.

Несмотря на обилие исследований, посвящённых как всей сибирской ссылке в целом, так и биографиям отдельных повстанцев 1863 года в Сибири, вопрос о национальной принадлежности ссыльных не только остаётся до сих пор практически не освещённым, но в абсолютном большинстве работ этот вопрос даже и не ставится. Исследователь, занимаясь биографией какого-либо ссыльного, зачастую приводит значительное количество ценных сведений, однако вопрос о национальной принадлежности героя своей работы старается плавно обходить, указывая в лучшем случае его место рождения. Почти всегда при этом исследователи щедро оперируют такими словами как «польское восстание», «поляки», «польские ссыльные», «за свободу Польши» и т. п.. В результате ещё более укрепляется миф о том, что восстание 1863 года было исключительно польским.

В данной работе сделана попытка рассмотреть все критерии, позволяющие судить о национальной принадлежности повстанцев, и соединить их в единую схему, позволяющую комплексно и с опорой на фактический материал судить о национальной принадлежности того или иного ссыльного.

Очевидно, что делать выводы о принадлежности повстанца к числу представителей польской национальности на основании одного лишь факта участия в восстании 1863 года – абсурдно и недопустимо. Как было показано выше, в восстании приняли участие представители самых разных национальностей.

Аналогичным образом обстоит ситуация и со вторым стереотипом – представлением обо всех сибирских католиках как о поляках. Поверхностно этот вопрос затронула С. Мулина в своей работе, говоря, что в глазах сибиряков принадлежность ссыльных к римско-католической церкви оставалась «основной чертой польскости».

Б. С. Шостакович полагает, что ***«…хотя поляки безусловно доминировали в среде прихожан иркутского католического храма, в ней можно отыскать также и представителей иных национальностей: литовцев, белорусов, украинцев, определенной части немцев, французов, итальянцев, и т.д.»***

По мнению Болеслава Сергеевича, не может быть обоснованным предположение о численном преобладании над поляками представителей других этносов, в частности белорусов. Однако, согласно имеющимся данным на начало XX века, доля поляков в Белостокском и Бельском уездах Гродненской губернии, (то есть в наиболее «польских» регионах Северо-Западного края империи) доходила до 40,6%, в Сокольском уезде той же губернии – 35,3%. Однако при этом доля католиков на указанной территории составляла 69,4%. В Витебской губернии, одном из наименее «польских» регионов Беларуси, по данным 1872 года насчитывалось 22737 католиков-поляков, но при этом 59179 католиков-белорусов, т.е. последних было почти в три раза больше. Если вспомнить, что от половины до двух третей сосланных в Сибирь повстанцев были уроженцами белорусских, литовских, а также украинских губерний, то напротив, возникают сомнения в преобладании поляков в числе иркутских католиков.

К примеру в случае с Яном Черским мы располагаем прослеженной на несколько поколений вглубь историей его рода, и согласно ей все предки Черского жили на белорусской территории, занимали должности в органах местного самоуправления и не имели никакого отношения к Польше...

Николай Иванович Витковский, выдающийся сибирский археолог при жизни говорил: ***"Я не поляк, а белорусс, для меня национальность и, в частности, польское восстание не имеет никакого значения, но я примкнул к восстанию как к явлению общечеловеческому".***



Наклад: 299 асобнікаў. Надрукавана на ксераксе.
Выдадзена 29.09.2013 г. Берасце.
Кантакты рэдакцыі:
Віктар Клімус МТС: (029) 227 52 12
Life: (025) 513 19 20
Павел Дайлід: (029) 522 82 30

Больш інфармацыі шукайце тут:
vk.com/grunt_brest
reha.of.by